

* * *

Грибоедов, на площади сидя в кресле,
Скажет Пушкину: Вам надоест стоять.
Посидим, может быть, у вокзала вместе?
И до Царского близко, рукой подать.

Пушкину в самом деле стоять несладко
В позе, можно сказать, танцевальной, он
В центре города, — слишком его повадка
Вдохновенна, — витийствовать принужден.

Ах, как было б уютно, как было б ладно,
Дельно, всех преимуществ не перечить,
Александру Сергеевичу приватно
К Александру Сергеевичу подсесть.

* * *

А может быть, я сам для жизни подобрал
В скитаньях неземных страну себе вот эту
С несчастьями ее, и Волгу и Урал
Парижу предпочел, и зимний холод — лету?

И кто-то в небесах меня отговорить
Пытался, но любой и самый веский довод
Отверг я: да, печаль, да, скудость, может быть,
И ужас пострашней, чем самый лютей холод.

Но где еще найду друзей таких, что мне
Окажутся милы и так необходимы,
И город на Неве со шпилем в стороне,
И вечную любовь, не тяжки с ней и зимы.

Я долго выбирал — и выбрал, отойди,
Советчик, ангел мой, близнец, благожелатель, —
Мне Анненского здесь и Пушкина найти,
И Фета удалось, и Лермонтова, кстати.

Александр Семенович Кушнер родился в 1936 году в Ленинграде. Автор около 50 книг стихов (в том числе для детей) и ряда статей о классической и современной русской поэзии, собранных в пяти книгах. Член СП СССР, русского ПЕН-центра. Главный редактор «Библиотеки поэта» (с 1992 года; с 1995 года — «Новой библиотеки поэта»). Лауреат Государственной премии РФ (1995), премии «Северная Пальмира» (1995), журнала «НМ» (1997), Пушкинской премии фонда А. Тепфера (1998), Пушкинской премии РФ (2001). Лауреат премии «Поэт» (2005), лауреат премии журнала «Нева».

ОРЕДЕЖ

Оредеж, не правда ли, название
Лучшее для северной реки?
Непонятно только написание,
К Оредежи спустимся, шаги
Замедляя к Оредежу, — нужен
Мягкий знак? Не нужен, может быть?
Гладь какая! Словно отутюжен.
Глядь, опять в глазах пошло рябить.

А потом опять всё гладко, ровно,
Никаких морщинок и гримас.
Повезло нам с Оредежью, словно
Не одна, а две реки у нас.
Как хорош его пологий берег,
А еще наряднее — крутой.
То она флегматик, то холерик,
И песчаник красный, золотой!

БАБОЧКА

Я-то знаю, что бабочка это,
А не лист на расщелине пня
Примостился унылого цвета, —
И она не обманет меня.

Надоест ей, летунье, притворство —
И покажет волшебный узор.
Ну, конечно, актерство, позерство
И, наверное, страх-фантазер.

Это он, и прочнее, чем скотчем,
Склеить может атласный наряд.
Есть мне что рассказать, между прочим,
Ей. Послушай, — тебе говорят!

Ты была дуновеньем свободы,
Избавленьем от цепких оков,
Где-то в шестидесятые годы
Залетев из «Других берегов».

И сильнее на меня повлияла,
Чем статьи диссидентские все,
Поднимая свое опухало
В безыдейной, бессмертной красе.

* * *

Любовью человек себя замучает,
Ненужною ему, необязательной,
Наверное, ему благополучие
Наскучило, он мог бы по касательной
Кого-нибудь любить — и было б весело,
И разве он не ценит преимущества
Разумной жизни, дружбы, зимней сессии,
Поездки в Псков, но выбирает мученичество.

И это так понятно! Дело прошлое,
Но сколько было сил и слез потрачено!
В прекрасном тоже было что-то пошлое,
А в пошлом — дорогое и горячее,
Не соблазняйся только скорбной миною,
Даст Бог, найдешь единственную спутницу.
А луч в лесу играет с паутиною
И заливает блеском эту путаницу.

* * *

Меня охватила сегодня тревога,
Причина ее мне была непонятна,
Как если бы мне предстояла дорога,
Как если бы гибель была вероятна,
Как если бы что-то кому-то грозило,
А предупредить его я не умею
И, кто он, не знаю, — немного знобило,
Тоска, подбежав, мне бросалась на шею.

А спас меня маленький кустик не кустик
За дачным окном, пригляделся: осинка.
— Не бойся, — сказала мне тихо, — отпустит,
Смотри, как дрожу я, дышу, как косынка,
Мечусь, как платочек. Я только растение,
Я — горстка листочков в зеленом чертоге,
Мятущийся пруттик, но разве волненья
Не стоит всё сущее, вечной тревоги?

* * *

В восемнадцатом веке не знали
Ни тоски, ни печали, ни скуки,
Солнце славили, гимны слагали
Самодержцу, искусству, науке,

Мельпомену любить, Каллиопу
Было так же отраднo, как деву,
И к Стеклу припадать, к Микроскопу,
Предаваться восторгу и гневу.

Океан, Баромётр, Мозайка
Буквой выделены прописною.
Нам смешно это кажется, дико.
Чем же Анненский лучше с Тоскою
Или Скукой? Не лучше, не хуже.
Золотые мои, дорогие,
Просто принцип иной обнаружен,
Просто приоритеты другие.

* * *

Сегодня день с утра так радужен и ярок,
Что скукой жаль его унижить и тоской.
Он мог бы без твоих придинок и помарок
Еще отрадней быть, со шпилем над рекой.

Зачем ему твои досады и обиды,
Неловкие слова, оставь их при себе,
Так улицы светлы, так площади раскрыты,
Он рад к тебе припасть и высветлить в толпе.

Ну вот, ты ветерком оваян и подхвачен,
Тенями обведен и выхвачен лучом, —
Неужто ж всё еще безрадостен и мрачен
И тяжестью земной всё так же удручен?

Или тоской себе ты набиваешь цену
И в мыслях сам себе навязываешь тьму,
Как мрачный тот актер, что, выходя на сцену,
На самом деле рад успеху своему?